

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ
РАДОНЕЖСКИЙ

Анна А. Маркова

Преподобный

Сергий Радонежский

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6087103

Преподобный Сергий Радонежский.: Благовест; Москва; 2010

ISBN 978-5-9968-0052-0

Аннотация

О святой жизни Преподобного Сергия, вдохновившей многих на подвиги во славу Божию и ставшей образцом для всех поколений православных христиан, о чудесной помощи Преподобного многим людям, об обители Радонежского чудотворца, Троице-Сергиевой Лавре, рассказывается в этой книге. В издании помещен также акафист Преподобному Сергию и статьи известных духовных писателей, посвященных образу и памяти святого.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Рождение Преподобного Сергия	7
Младенчество	11
Обучение грамоте	14
Отрочество	19
Переселение в Радонеж	23
В Радонеже	26
Оставление мира	29
Братья в пустыне	32
Монашеский постриг	37
Одинокство в лесной пустыне	43
Первые сподвижники	50
Жизнь уединенной обители	54
Поставление Преподобного во игумена	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Преподобный Сергий Радонежский

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Рус-
ской Православной Церкви
(ИС 10-07-0251)*

Предисловие

В истории русской святости Преподобный Сергей занимает особое место – он основатель Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, которую называют сердцем России.

С ним связано духовное возрождение Руси после монголо-татарского ига. Уйдя в лесную пустыню, Преподобный Сергей стал духовным отцом и наставником множества иноков. Его по праву считают восстановителем общежительного монашества на Руси – множество обителей было основано и учениками Преподобного и учениками его учеников. Много подвижников было и в самой Троицкой обители, и ныне Преподобный пребывает в Лавре среди учеников-подвижников, как солнце среди звезд.

Образ Преподобного Сергия сквозь века вдохновляли ищущих «жития иноческого», вплоть до новомучеников и исповедников XX века, многие из которых тоже считали себя учениками аввы Сергия.

Немало сделал Преподобный и для укрепления российской государственности – он дал великому князю Дмитрию Донскому благословение на Куликовскую битву, ставшую началом освобождения от монголо-татарского ига, и одновременно положившую начало духовному объединению народа, населявшего тогда различные удельные княжества. Недаром впоследствии богомольные хождения к Троице – к

мощам Преподобного Сергия – считались для великих князей и царей делом государственным.

Во времена Смуты обитель «чудотворца Сергия» стала последним оплотом российской государственности, устоявшим под натиском чужеземного вторжения и мятежа. И именно призыв Троицкой братии – духовных наследников Преподобного – способствовал освобождению и возрождению России.

В близкое нам время, в XX веке, Троицкая обитель аввы Сергия была первым монастырем, открытым и возрожденным после тяжелой войны и среди непрекращающегося гонения на веру. В самое тяжелое время у святых мощей Преподобного возносилась молитва и о спасении России и о возрождении Русской Церкви. И эта молитва была услышана Богом.

Помимо глобального значения Преподобного Сергия, для многих верующих сердец он – личный молитвенник, ходатай и целитель, к которому всегда можно обратиться, прося его молитвенного предстательства перед Богом.

О святой жизни Преподобного Сергия, вдохновившей многих на подвиги во славу Божию и ставшей образцом для всех поколений православных христиан, о чудесной помощи Преподобного многим людям, об обители Радонежского чудотворца, Троице-Сергиевой Лавре, рассказывается в данной книге.

Анна Маркова

Часть первая

Житие Преподобного Сергия Радонежского

Рождение Преподобного Сергия

Преподобный Сергий был уроженцем Ростова, по праву славящегося своей древней святостью – в этом городе впервые в северо-восточной Руси воссиял свет христианской благодати.

Родители будущего Преподобного – боярин Кирилл, служивший сначала у Ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича, и его супруга Мария, – хотя и принадлежали к высшей ростовской аристократии, но были не слишком состоятельны. Кирилл и Мария были люди добрые и богоугодные. Праведность их была известна не одному Богу, но и людям. Строгие блюстители всех уставов церковных, они со всем усердием помогали бедным. Жили они в родовой вотчине боярина Кирилла, находившейся на месте нынешней Варницкой обители. Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына – будущего основателя Троицкой Лавры.

Еще до рождения будущего Преподобного произошло чу-

до, изумившее не только родителей его, но и всех окружающих. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды в воскресенье, мать его пришла в церковь, как обычно, ко святой литургии. Она стояла с другими женщинами в притворе, а когда должны были приступить к чтению святого Евангелия и все люди стояли молча, младенец внезапно вскрикнул в утробе матери, так что многие изумились этому крику – преславному чуду, совершившемуся с младенцем. И вот снова, в самом начале Херувимской песни, на словах «Иже Херувимы...», младенец внезапно начал громко верещать в утробе, еще громче, чем в первый раз, и его голос разносился по всей церкви. Мать его стояла в ужасе, и женщины, бывшие там, недоумевали и говорили: «Что же будет с этим младенцем?» Когда же иерей возгласил: «Вонмем. Святая святым!» – младенец снова, в третий раз, громко закричал.

Мать его чуть не упала на землю от сильного страха и, ужасаясь, охваченная сильным трепетом, начала тихо плакать. Остальные женщины подошли к ней и стали расспрашивать: «Нет ли у тебя за пазухой младенца в пеленках, мы слышали детский крик, раздававшийся на всю церковь?» Она же в растерянности, из-за сильных рыданий, не могла им ответить, лишь промолвила: «Спросите, – сказала она, – у других, а у меня нет ребенка». Они же допытывались, спрашивая друг друга, искали и не нашли, потом снова обратились к Марии, говоря: «Мы по всей церкви искали и не нашли младенца. Кто же тот младенец, который кричал?» Мать

его, не в силах утаить того, что произошло и о чем они спрашивали, ответила им: «Младенца за пазухой у меня нет, как вы думаете, но в утробе у меня ребенок, еще не родившийся. Он и кричал». Женщины сказали ей: «Как может быть дарован голос младенцу до рождения, еще находящемуся в утробе?» Она же ответила: «Я сама тому удивляюсь, я вся объята страхом и трепещу, не понимая случившегося».

Женщины, вздыхая и бия себя в грудь, возвращались каждая на свое место, говоря про себя: «Что это будет за ребенок? Да будет о нем воля Господня». Мужчины, бывшие в церкви и все это слышавшие и видевшие, в ужасе стояли молча, пока иерей не закончил святую литургию, снял ризы свои и отпустил людей. Все разошлись восвояси, и страшно было всем, слышавшим это. Как известно, такого явления не было ни до, ни после, объяснить его каким-либо способом ни тогда, не сейчас невозможно.

После этого знамения Мария – будущая мать его – носила младенца в утробе, как некое бесценное сокровище, как драгоценный камень, как чудесный жемчуг и как сосуд избранный. Все время, когда она была беременна, она себя блюла от всякой скверны и от всякой нечистоты, ограждала себя постом, избегала всякой скоромной пищи, мяса, молока и рыбы не ела, питаясь лишь хлебом и овощами; от вина Мария совершенно воздерживалась, а вместо различных напитков пила одну только воду и ту понемногу.

Усердная молитвенница, боярыня Мария, теперь чувство-

вала особенную потребность сердца в молитве; поэтому она часто удалялась от людского взора и в тишине уединения со слезами изливала пред Богом свою горячую материнскую молитву о будущей судьбе своего младенца. «Господи! – говорила она тогда, – спаси и сохрани меня, убогую рабу Твою, спаси и соблюди и сего младенца, носимого во утробе моей, Ты ведь – *храняй младенцы Господь* (см. Пс. 114: 5); да будет воля Твоя, Господи, на нас и буди имя Твое благословенно вовеки!»

Так жила она до самого рождения ребенка, особенно прилежала она посту и молитвам, так что само зачатие и рождение дитяти были исполнены поста и молитв. Мария была добродетельна и весьма богобоязненна и уже до рождения младенца поняла и уразумела это чудесное о нем знамение и явление. Она советовалась с мужем своим, говоря: «Если у нас родится мальчик, давай, по обету, принесем его в церковь и отдадим Благодетелю всех Богу».

К сожалению, несмотря на все чудесные события, сопровождавшие рождение будущего Преподобного, точная дата его рождения нам неизвестна. В то времена фиксировались, да и то не всегда, лишь рождения князей. По мнению различных исследователей, и древних и новых, разброс дат составляет примерно от 1314 до 1322 годов. Поэтому, обычно выводя некую среднюю дату, годом рождения Преподобного считают 1319 год.

Младенчество

Новорожденный младенец продолжал изумлять родителей своими странностями: когда случалось, что мать ела какую-нибудь мясную пищу до сытости, тогда младенец никак не хотел брать грудь; и так было не один раз, но иногда день, иногда два дня ребенок не ел. Из-за этого мать младенца и все родственники были удручены страхом и печалью, они с трудом поняли, что младенец не хочет пить молоко, когда кормящая его питается мясом, но согласен пить, только если она не будет разрешаться от поста. С той поры мать воздерживалась в еде и постилась, а младенец начал питаться ее молоком во все дни, как и подобает.

Пришел день исполнить обет матери его: после шести недель, то есть на сороковой день после рождения ребенка, родители принесли его в церковь Божию, отдавая, как и обещали, Богу, даровавшему его. Тут же они повелели священнику совершить над ним Божественное Крещение. Священник, огласив младенца и прочтя над ним многие молитвы, с духовной радостью и со тщанием крестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа и нарек во Святом Крещении Варфоломеем. Священник вынул ребенка, обильно принявшего от Святого Духа благодать Крещения, из купели, и, осененный Божественным Духом, иерей провидел и предузнал, что этот младенец будет сосудом избранным.

Отец его и мать хорошо знали Священное Писание и рассказали иерею, как их сын, еще будучи в утробе матери, три раза прокричал в церкви. «Мы не знаем, что это означает», — говорили они. Иерей же, по имени Михаил, хорошо знавший священные книги, поведал им из Божественного Писания, из обоих Законов, Ветхого и Нового, следующее: «Давид в Псалтири сказал: *Зарождение мое видели очи Твои* (Пс. 138: 16), и Сам Господь святыми Своими устами сказал Своим ученикам: *потому что вы сначала со Мною* (Ин. 15: 27). Там, в Ветхом Завете, Иеремия пророк освятился в чреве матери, а здесь, в Новом Завете, апостол Павел восклицает: *Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам...* (Гал. 1: 15–16). И многое другое иерей поведал родителям из Писания, о младенце же сказал: «Не скорбите о нем, но, напротив, радуйтесь и веселитесь, ибо он будет сосудом избранным Бога, обителью и слугой Святой Троицы», что и сбылось. Благословив дитя и родителей, священник отпустил их домой.

Спустя немного времени после крещения сам младенец явился великим постником: по средам и пятницам он не прикасался к сосцам матери и не хотел вкушать молока коровьего, но по целым дням оставался без пищи. Поначалу мать его думала, что ребенок чем-то болен, пыталась подыскать ему кормилицу, но от молока кормилиц младенец Варфоломей отказывался и в непостные дни. В конце концов, убе-

дившись, что воздержание не вредит ребенку, Мария смирилась с этим. Подрастая, Варфоломей продолжал изумлять родителей своими странностями, его совершенно не тянуло к детским забавам, и он отличался редкой набожностью даже в благочестивом семействе.

Обучение грамоте

Когда Варфоломею исполнилось семь лет, родители отдали его учиться грамоте, но в отличие от старшего брата Стефана и младшего – Петра, которому в ту пору было около шести лет, быстро освоивших грамоту, Варфоломей никак не мог научиться читать. Наставник прилежно обучал Варфоломея, но отрок не понимал его, плохо учился и отставал от товарищей, занимавшихся вместе с ним. Учитель наказывал его, товарищи упрекали и даже смеялись над ним, родители уговаривали, да и сам он напрягал все усилия своего детского ума, проводил ночи над книгою, горячо и усердно молился Господу Богу: «Дай же Ты мне, Господи, понять эту грамоту; научи Ты меня, Господи, просвети и вразуми!» Но грамота все же ему не давалась.

Родители Варфоломея сильно скорбели о неспособности своего среднего сына постичь Божественное Писание, а учитель весьма огорчился, что его труд пропадает даром. Все печалились, не ведая высшего предначертания Божественного Промысла, не зная о том, что Бог сотворит с этим отроком, что Господь не оставит Своего Преподобного. По смотрению Божию, нужно было, чтобы книжное знание он получил от Бога, а не от людей, что и сбылось.

Однажды у боярина Кирилла пропали лошади, искать пропажу он отправил среднего сына Варфоломея. Разыски-

вая лошадей, внезапно он увидел некоего иеромонаха, молящегося под дубом на поле. Благоговейный и ангелоподобный старец приносил здесь свои усердные слезные молитвы Богу вездесущему. Увидев его, отрок сначала смиренно поклонился, затем подошел и стал вблизи, ожидая, когда тот кончит молитву.

Помолившись, старец взглянул на отрока, прозревая в нем духовными очами избранный сосуд Святого Духа, ласково подзвал его к себе, благословил его, отечески поцеловал и спросил: «Что тебе надобно, чадо?» Отрок сказал: «Душа моя желает более всего знать грамоту, для этого я отдан был учиться. Сейчас душа моя печалится о том, что я учусь грамоте, но не могу ее одолеть. Ты, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте».

Старец воздел руки, возвел очи к небу, вздохнув пред Богом, усердно помолился и после молитвы сказал: «Аминь». Затем он бережно вынул из пазухи небольшой ковчежец. Открыв его, он взял оттуда тремя перстами малую частицу святой просфоры и, благословляя ею Варфоломея, промолвил: «Возьми сие, чадо, и съешь; сие дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала – велика сладость вкушения от нее».

С благоговением вкусил он от святого хлеба – и какую же сладкою показалась ему эта таинственная пища! «Не об этом ли сказано в псалмах? – сказал он старцу, – *Как сладки гор-*

тани моей слова Твои! Лучшие меда устам моим... и душа моя... весьма возлюбила их! (Пс. 118: 103, 167)». «Если веруешь, чадо, – отвечал ему старец, – больше сих узришь. А о грамоте не скорби, ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братьий твоих и товарищей, так что и других будешь пользоваться». Радуюсь душой и сердцем, Варфоломей внимал его душеполезным наставлениям; как семена на добрую землю, так и благодатные слова старца ложились на его сердце. После сего старец хотел было отправиться в свой путь, но Варфоломей усердно просил его посетить дом своих родителей. Он пал к ногам старца, говоря: «Родители мои очень любят таких, как ты, отче!» Старец, удивившись вере отрока, отправился в дом его родителей.

Увидев старца, родители Варфоломеевы вышли ему навстречу и поклонились. Для благочестивых людей такой старец-инок – всегда желанный гость, а Кирилл и Мария особенно любили принимать и покоить у себя в доме иноков. Старец благословил их, и в доме приготовили трапезу для него.

Но прежде чем сесть за предложенную трапезу, старец, взяв с собою Варфоломея, пошел в бывшую у него домовую часовню, чтобы отпеть часы. Во время пения часов он велел отроку читать псалом, и когда Варфоломей сказал: «Я не умею этого, отче». Старец ответил: «Я сказал тебе, что с сего дня Господь дарует тебе знание грамоты. Читай Слово Божие без сомнения». И случилось тогда нечто удиви-

тельное: отрок, получив благословение от старца, начал стихословить Псалтирь очень внятно и стройно, и с того часа он хорошо знал грамоту. Родители же и братья отрока, увидев это и услышав, удивились неожиданному его искусству и мудрости и прославили Бога, давшего ему такую благодать.

Выйдя из часовни, хозяева предложили старцу трапезу. Старец отведал пищи, благословил родителей отрока и хотел уйти, но бояре умоляли старца остаться у них, спрашивая его и говоря: «Отче господине! Побудь еще, чтобы мы могли расспросить тебя, и ты бы успокоил и утешил наше скудоумие и нашу печаль. Вот смиренный отрок наш, которого ты благословляешь и хвалишь и которому предсказываешь многие блага, – он удивляет нас, и мы печалимся о нем, потому что с ним случилось нечто страшное, удивительное и непонятное. Когда он был в утробе матери, незадолго до своего рождения, его мать была в церкви, и он трижды прокричал в утробе при народе, во время литургии. Нигде не слыхано, и не видано ничего подобного, и мы этого боимся, не понимая, чем все кончится и что случится в будущем».

Святой старец, провидя духом будущее, сказал им: «О, благословенные супруги! Господь удостоил вас такой великой милости – дал вам такого сына; зачем же вы страшитесь там, где нет никакого страха? Вам должно радоваться, что Бог благословил вас таким детищем. Он предызбрал вашего сына еще прежде его рождения. А что я говорю вам истину – вот вам знамение: с этой поры отрок будет хорошо понимать

всю книжную мудрость, и свободно будет читать Божественное Писание. Знайте, что велик будет сын ваш пред Богом и людьми за его добродетельную жизнь!»

Уже на пороге дома он еще раз обратился к родителям Варфоломеевым и вымолвил такие загадочные слова: «Отрок будет некогда обителью Пресвятой Троицы, он многих приведет за собою к уразумению Божественных заповедей». Сказав это, старец покинул дом; хозяева провожали его до ворот, но он внезапно стал невидимым. Кирилл и Мария невольно подумали, не Ангел ли Божий был послан к ним, чтобы даровать премудрость их сыну.

Между тем, как говорил старец, так и сбылось: с отроком произошла чудная перемена. Какую бы книгу ни раскрыл он, тотчас же начинал читать ее без всякого затруднения, понимая и смысл того, что читал. Так дар Божий, столь неожиданно ему ниспосланный, воздействовал в юном Варфоломее и просветил ум его. После этого случая он скоро опередил в учении как братьев своих, так и прочих товарищей.

Отрочество

Произошедшее чудо произвело громадное впечатление на окружающих, но более всего оно произвело впечатление на самого Варфоломея. С тех пор начал он усердно читать священные книги, учащие пути спасения. Воодушевленный примером святых, в то время, когда ему не исполнилось еще двенадцати лет, начал он строго поститься, ничего не вкушая в среду и пятницу (как делали тогда особенно благочестивые взрослые), в остальное время питался большей частью хлебом и водой. Помимо неопустительного посещения богослужений Варфоломей часто вставал по ночам и молился.

Все это огорчало его мать – она боялась, как бы такая строгая жизнь не повредила здоровью Варфоломея. Поэтому заботливая мать старалась умерить строгость его поста. «Не изнурай себя излишним воздержанием, сын мой, – говорила она, – чтобы тебе не заболеть от истощения сил, тогда и нам немалую скорбь причинишь. Ты еще дитя, твое тело еще растет; посмотри: никто в твоём возрасте не принимает на себя такого поста; ни братья твои, ни товарищи так не постятся, как ты; другие дети семь раз на дню поедят, а ты, дитя мое, ешь только раз в день, а то и через день; перестань так делать, это тебе не по силам: всякое добро хорошо в меру и в свое время. Вкушай пищу, по крайней мере, вместе с нами».

На это благоговейный отрок отвечал, упрасывая свою

мать: «Не уговаривай меня, мать моя, чтобы не пришлось мне невольно послушаться тебя, разреши мне делать так, как я делаю. Не вы ли говорили мне: «Когда ты был в пеленках и в колыбели, тогда каждую среду и пятницу ты молока не ел». И слыша это, как я могу в меру своих сил не стремиться к Богу, чтобы Он избавил меня от моих грехов?»

На это мать ответила ему: «Тебе нет еще двенадцати лет, а ты уже говоришь о своих грехах. Какие же у тебя грехи? Мы не видим на тебе следов твоих грехов, но видели знамения благодати и благочестия – того, что ты избрал благую часть, которая не отнимется у тебя». «Перестань, матушка, – со сдержанным огорчением отвечал ей сын, – что ты это говоришь? Тебя увлекает естественная любовь твоя к детям, но послушай, что говорит Святое Писание: «Никто да не похвалится из людей; никто не чист пред Богом, если хотя бы один день проживет на земле (см. Иов. 14: 5); никто не безгрешен, только один Бог». Не слышала ли ты, что божественный Давид, думаю, о нашем убожестве говорил: *«Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50: 7), сего ради да не похвалится всяк человек! Брашно и питье, конечно, нас не поставляет пред Богом! (см. 1 Кор. 8: 8)».

Мать удивлялась разумным речам своего сына и, не желая препятствовать его доброму произволению о Боге, обыкновенно говорила ему: «Если ты так рассуждаешь, то делай, как хочешь, Господь с тобою, я не хочу стеснять тебя в добром, дитя мое!» И святой отрок никогда не позволял себе да-

же отведать каких-нибудь сладких блюд или напитков. Так, укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чем не выходил из воли своих родителей – как кроткий и послушный сын, он был истинным утешением для них. Всегда тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, он со всеми был ласков и обходителен, ни на кого не раздражался, от всех с любовью принимал случайные неприятности. Ходил он в плохой одежде, а если встречал бедняка, то охотно отдавал ему свою одежду.

Соблюдая неоскверненной душевную и телесную чистоту, он часто наедине со слезами молился Богу, говоря: «Господи! Если верно то, о чем поведали мне мои родители, если до моего рождения Твоя благодать, Твое избрание и знамение осенили меня, убогого, да будет воля Твоя, Господи! Да будет, Господи, милость Твоя на мне! Подай, Господи! С детства, от самой утробы матери, всем сердцем и всей душой моей я прилепился к Тебе, от чрева, от груди матери моей, – Ты Бог мой. Когда я был в утробе матери, Твоя благодать посетила меня, так не оставь меня и ныне, Господи, ибо отец мой и мать моя со временем оставят меня. Ты же, Господи, прими меня, приблизь меня к Себе и причисли меня к избранному Твоему стаду, ибо на Тебя оставлен я, нищий. С детства избавь меня, Господи, от всякой нечистоты и скверны телесной и душевной. Помоги мне, Господи, совершать святые дела в страхе Твоем. Пусть сердце мое возвысится к

Тебе, Господи, и все прелести этого мира да не усладят меня, и вся красота житейская да не волнует меня, но пусть прилепится душа моя к Тебе единому, и пусть восприимет меня десница Твоя. Да не ослабну, услажденный мирскими красотою, и не попусти мне когда-либо возрадоваться радостью мира сего, но исполни меня, Господи, радостью духовной, радостью несказанной, сладостью божественной, а Дух Твой Благой да наставит меня на путь истинный».

И каждый, видевший такое душевное расположение Варфоломея, невольно говорил про себя с удивлением: что-то выйдет из этого отрока, которого Бог сподобил такой благодати с раннего детства. А отрок между тем становился юношей и, возрастая годами, возрастал и в благочестии. И само собою зарождалось в нем желание иноческого подвига, и с каждым днем все больше и больше росло и созревало это желание, пока, наконец, не обратилось в пламенную жажду души.

Переселение в Радонеж

Годы земной жизни Преподобного пришлись на тяжкое время ордынского ига. В силу тогдашних понятий о жизни власть имущим приходилось не легче, чем простым горожанам или крестьянам, а подчас и тяжелее. Поэтому великий боярин ростовский Кирилл – отец Варфоломея – под конец своей службы Ростовским князьям разорился, или, как тогда говорили, обнищал. Он обнищал из-за частых хождений с князем в Орду, частых набегов татар на Русь, частых татарских посольств, которые подчас были своего рода набегам, изза многих тяжких даней и сборов ордынских, изза частого недорода хлеба. Но хуже всех этих бед было великое нашествие татар во главе с Федорчуком Туралыком, случившееся в то время, после которого в течение года продолжались насилия, потому что великое княжение досталось Московскому князю Ивану Даниловичу Калите.

Великий князь Московский Иван Данилович Калита железной рукой собирал русские земли, скупая у хана Узбека ярлыки на обедневшие княжества. Во время ордынского ига ханский ярлык давал его обладателю право собирать налоги, в том числе и ордынскую дань. Купил Иван Данилович ярлык и на Ростовское княжество, тем более что старший из Ростовских князей – Константин Васильевич – приходился ему зятем.

Приобретя ярлык, Иван Калита решил сторицей возместить убытки и отправил в Ростов за данью вооруженный отряд, во главе которого стояли воеводы Василий Кочева и Мина. Когда они приехали в Ростов, там начались жестокие насилия над жителями. Многие из ростовчан поневоле отдавали свое имущество москвичам, а сами получали взамен побои и оскорбления и уходили с пустыми руками, являя собой образ крайнего бедствия, так как не только лишались имущества, но и получали раны и увечья, ходя со следами побоев, снося все безропотно.

Дерзость московских воевод в Ростове дошла до того, что подняли руку даже на самого градоначальника, старейшего ростовского боярина по имени Аверкий, поставленного еще князем Василием Константиновичем, они повесили его вниз головой и в таком виде оставили на поругание. Так поступали они не только в Ростове, но и по всем волостям и селам его. Народ роптал, волновался и жаловался на эти своеволия; все говорили, что слава Ростова исчезла, что князья его лишились своей власти, что Москва тиранствует.

Не обошла беда стороной и дом боярина Кирилла. От московского разорения он лишился всего фамильного достояния. По предположениям некоторых церковных историков, московские наместники старались выжить влиятельного боярина из Ростова. Поэтому, когда Варфоломею было около 15 лет, родители его были вынуждены переселиться из Ростова в другое место. Тем паче, что тогда же спасаясь от

страшного террора, наставшего в Ростове, многие из жителей его решились бежать из него, чтобы искать себе пристанища в других местах.

Местом для нового жительства своего семейства боярин Кирилл избрал соответствовавший его собственному более чем скромному положению малый город, или городок, Радонеж, находившийся в Московской волости. Городок отдан был великим князем в удел его младшему сыну Андрею, а наместником он поставил в нем Терентия Ртища. Для привлечения в него новых жителей даны были переселенцам многие льготы и обещана большая ослаба (в податях и повинностях). В смиренный Радонеж и переселился столько же смиренный Кирилл и поселился в нем близ его церкви в честь Рождества Христова.

Не только семейство боярина Кирилла, но и многие другие люди переселились с ним из Ростова в Радонеж. И были они переселенцами на чужой земле, в числе их – Георгий, сын протопопа, со своими родными; Иван и Федор, из рода Тормоса; Дюдень, зять его, со своими родными; Анисим, дядя его, который впоследствии стал диаконом.

В Радонеже

Переехав в Радонеж, семья боярина Кирилла, хотя и не восстановила прежнего своего благосостояния, но со временем в доме появился относительный достаток. Достигли совершеннолетия сыновья. Старший Стефан благополучно женился.

Варфоломей же, несмотря на внешнюю красоту, ставил ни во что красоты жизни и всякую мирскую суету попирал, как пыль, сохраняя чистоту душевную и телесную, возрастая возрастом духовным; и Дух Божий, благий и животворящий, наставлял его на землю праву. Ночью и днем он не переставал молить Бога, Который помогает спастись начинающим подвижникам. Он одинаково любил всех людей, никогда не впадал в ярость, не препирался, не обижался, не позволял себе ни слабости, ни смеха, но когда ему хотелось улыбнуться (ведь и это бывает нужно), он делал это с великим целомудрием и сдержанностью. Псалтирь всегда была у него на устах. Он был украшен воздержанием, всегда радовался телесным тяготам и любил носить бедную одежду; пива и меда он никогда не вкушал, никогда не подносил к устам и даже запаха их не вдыхал, — стремясь к постнической жизни, он вменял в сор и тщету эти потребности человеческого естества.

Со временем и младший из сыновей Кирилла, Петр, также

избрал супружескую жизнь. А Варфоломей не захотел жениться, но всей душой стремился к иноческой жизни. Не раз он говорил отцу: «Отпусти меня, батюшка, с благословением, и я пойду в монастырь». Но родители ответили ему: «Чадо! Подожди немного и потерпи ради нас: мы стары, бедны, больны, и некому ухаживать за нами. Твои братья Стефан и Петр женились и думают, как угодить женам; ты же, неженатый, думаешь, как угодить Богу, – ты избрал благую часть, которая не отнимется у тебя. Только поухаживай за нами немного и, когда проводишь нас, своих родителей, до могилы, тогда сможешь осуществить свое намерение. Когда положишь нас в могилу и засыплешь землей, тогда исполнишь свое желание».

Благодатный юноша с радостью обещал ухаживать за ними до конца их жизни и с того дня старался каждый день всячески угодить родителям, чтобы заслужить себе их молитвы и благословение. Так он жил некоторое время, прислуживая и угождая отцу и матери всей душой и от чистого сердца. При конце своей многоскорбной жизни Кирилл и Мария пожелали и сами, по благочестивому обычаю древности, воспринять на себя ангельский образ. Верстах в трех от Радонежа был Покровский Хотьков монастырь, который состоял из двух отделений – одного для старцев, другого для стариц, то есть был смешанным: одновременно и мужским, и женским. В этот монастырь и направили свои стопы праведные родители Варфоломеевы, чтобы здесь провести остаток дней

своих в подвиге покаяния и приготовления к другой жизни.

Почти в то же время произошла важная перемена и в жизни старшего брата Варфоломея, Стефана: недолго жил он в супружестве, жена его – Анна – умерла, оставив ему двух сыновей – Климента и Иоанна. Похоронив супругу в Хотьковском монастыре, Стефан не пожелал уже возвратиться в мир; поручив детей своим младшему брату Петру, он тут же, в Хотькове, и остался, чтобы принять монашество, вместе с тем послужить и своим немощным родителям.

Но Кирилл и Мария, немного лет прожив в иночестве, преставились от этой жизни, и отошли к Богу; сына же своего, блаженного юношу Варфоломея, они многократно благословляли до последнего своего вздоха. Добродетельный юноша проводил родителей до могилы: он пел над ними надгробные песнопения, обрядил их тела, поцеловал их, с большими почестями положил в гроб и засыпал землей со слезами, как некое бесценное сокровище. Со слезами он почтил умерших отца и мать панихидами и святыми литургиями, отметил их память молитвами, раздачей милостыни убогим и кормлением нищих. Так он творил память по своим родителям сорок дней.

Оставление мира

Проводив в последний путь родителей, Варфоломей вернулся в свой дом, радуясь душой и сердцем, как будто бы он приобрел некое бесценное сокровище, обильное духовное богатство, ибо боголюбивый юноша очень хотел начать монашескую жизнь. Вернувшись домой, после смерти родителей, он начал расставаться с житейскими заботами. На дом и на все вещи, необходимые в доме, он смотрел с презрением, вспоминая в сердце своем Писание, в котором сказано, что мирская жизнь полна многих вздохов и печалей. Как сказал Господь в Евангелии: *Если кто приходит ко Мне и не отречется от всего, что имеет, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14: 26, 33). Укрепив этими словами душу и тело, он позвал Петра, своего младшего брата, и оставил ему отцовское наследство и все, что было в родительском доме потребное для жизни. Сам он не взял себе ничего, следуя словам божественного апостола, сказавшего: *Я... все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа* (Флп. 3: 8).

Собираясь облечься в иноческий образ, Варфоломей не пошел в Хотьков монастырь, а также не пошел он и в какой бы то ни было другой монастырь. Он хотел монашествовать вне монастыря. Это не значило, чтобы он желал избрать для себя вид монашества наиболее легкий и наиболее несовершенный, наоборот, он искал вида монашества наиболее

трудного, строгого и наиболее совершенного.

Строжайшее монашество – это удаление от мира в обоих смыслах – и переносном, или духовном, и буквальном. В смысле духовном оно есть отречение от всякой привязанности ко всему мирскому, в смысле собственном оно есть удаление в пустыню от жилищ человеческих. У нас в России люди монашествовали до тех пор по мере своих сил в смысле духовном, но у нас не было до тех пор монашества в смысле собственном – как пустынножительства. Наши монахи смотрели на пример современных им монахов греческих, а позднейшие греческие монахи уже не шли из городов в пустыни. И вот богоизбранный юноша Варфоломей, отвращая взор свой от примера современных ему монахов греческих и обращая его к примеру древних египетских учредителей монашества – преподобных Антония, Пахомия и обоих Макариев, решил монашествовать в том собственном смысле, чтобы подвизаться в удаленной от жилищ человеческих пустыни.

Решив водвориться в пустыню, он навел старшего брата Стефана – инока Хотьковского монастыря, – и предложил ему вместе уйти в лес. Стефан не вдруг решается на такой подвиг. Недавний мирянин, поступивший в монастырь не столько по влечению чистой любви к Богу, сколько потому, что его сердце, разбитое семейным горем, искало врачевания в тишине святой обители, он не думал принимать на себя подвига выше меры своей и желал проходить обычный

путь жизни монашеской в стенах монастырских. Но Варфоломей просит, умоляет – и Стефан уступает, наконец, неотступным просьбам любимого младшего брата. Братья оставляют гостеприимную обитель и идут в самую глушь соседних лесов.

Братья в пустыне

В те времена каждый мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать землянку и селиться тут. Было много свободной земли, не принадлежавшей частным владельцам.

Братья исходили много лесов и, наконец, пришли в одно пустынное место в чаще леса, где был источник воды. Оно находилось верстах в десяти от Хотькова и представляло небольшую площадь, которая возвышалась над соседнею местностью в виде маковки, почему и названа Маковцем, или Маковицею. Глубокие дебри с трех сторон окружали эту Маковицу, густой лес, до которого еще никогда не касалась рука человеческая, одевал ее со всех сторон сплошной чащей, высоко поднимая к небу свои тихо шумящие вершины. Среди леса протекала маленькая речка (в актах XV века называемая Консерой, в сказаниях XVII века – Коншурой, в настоящее время называющаяся Кончурой).

Братья обошли то место и полюбили его, ибо Бог направлял их. Помолившись, они начали своими руками рубить лес и на своих плечах приносили бревна на выбранное место. Сначала братья сделали себе хижину для ночлега, с чуланом, и устроили над ней крышу, потом построили келью, огородили место для небольшой церковки и срубили ее.

Когда была завершена постройка церкви, и пришло время

освящать ее, блаженный юноша сказал Стефану: «Поскольку ты мой старший брат по рождению и по плоти, но более по духу, мне следует слушаться тебя, как отца. Сейчас мне не с кем советоваться обо всем, кроме тебя. Усердно молю тебя ответить на мой вопрос: вот, церковь уже поставлена и закончена, пришло время освящать ее; скажи мне, в день какого святого будет престольный праздник нашей церкви, во имя какого святого освящать ее?»

В ответ Стефан сказал Варфоломею: «Зачем ты спрашиваешь и для чего искушаешь меня и допытываешься? Ты сам знаешь ответ на свой вопрос не хуже меня, потому что отец и мать, родители наши, много раз говорили тебе при нас: «Блуди себя, чадо: ты уже не наше, а Божие; Господь Сам избрал тебя прежде твоего рождения и дал о тебе доброе знамение, когда трижды возгласил ты во чреве матери во время литургии, так что все люди, стоявшие там и слышавшие, удивились и ужаснулись, говоря: «Кем будет этот младенец?» Но священники и старцы, мужи святые, ясно поняли и истолковали это знамение, говоря: «Поскольку в чуде с младенцем отобразилось число три, это означает, что ребенок будет учеником Святой Троицы и не только сам будет благочестиво веровать, но и многих других соберет и научит веровать в Святую Троицу». Поэтому тебе подобает освятить эту церковь во имя Святой Троицы. Это будет не наше измышление, но Божие изволение, предначертание и избрание, ибо Господь так пожелал. Да будет имя Господа

благословенно вовеки!» Когда Стефан закончил, блаженный юноша вздохнул из глубины сердца и ответил: «Правильно ты сказал, господин мой, то самое, что давно было у меня на душе, чего я всем сердцем желал, но не дерзал высказать. Душа моя желает создать и освятить церковь во имя Святой Троицы. Смирения ради я спрашивал тебя, и Господь Бог не оставил меня – дал мне по желанию моего сердца и хотения моего не лишил меня».

Затем братья отправились в Москву, к Митрополиту Феоносту, просить священников для ее освящения. Святитель милостиво принял просителей, выслушал их и дал благословение на освящение храма. Из города от Митрополита Феоноста приехали священники и привезли с собой священные предметы: антиминс, мощи святых мучеников и все, что нужно для освящения церкви.

Небольшая лесная церковка была освящена во имя Святой Троицы. Это произошло около 1340 года, при великом князе Симеоне Иоанновиче Гордом.

После освящения церковки братья начали пустынножительство. Варфоломей еще с большею ревностью стал подвизаться в посте и молитве, в трудах и терпении, мира как бы вовсе не было для юного отшельника: он умер для мира, и мир умер для него навсегда.

Но братья недолго прожили вместе в лесном уединении. Примерный инок Хотьковской обители Стефан очень недолго мог выносить этот новый род монашества, избранный его

младшим братом. Пустыня была настоящая, суровая пустыня: кругом на большое расстояние во все стороны – дремучий лес, в лесу – ни единого жилища человеческого и ни единой человеческой стези, так что нельзя было видеть лица, и нельзя было слышать голоса человеческого, а можно было видеть и слышать только зверей и птиц. Не выдержал Стефан этих скорбей пустынных: он вовсе не был подготовлен к ним предшествующей жизнью. Живя семейною жизнью, он, вероятно, не думал не только о пустынных подвигах, но и о монашестве; тяжкое горе, смерть молодой супруги, побудило его удалиться в обитель, как тихую пристань на море житейском; там, быть может, он и окончил бы дни свои, если бы не Варфоломей. Только усердные просьбы любимого брата вызвали его оттуда; и вот лишь только он встретился со всей суровой обстановкой отшельнической жизни, как мужество изменило ему, его стала томить тоска нестерпимая, им овладел дух уныния.

Стефан не мог долго терпеть тоску уединения и, оставив Варфоломея в его пустыне одного, ушел от него в Москву, в Богоявленский монастырь. Здесь он нашел себе келью, и жил там, весьма преуспевая в добродетели: он был трудолюбив, проводил в своей келье суровую, постническую жизнь, не пил пива и носил скромную одежду. Наставником и руководителем Стефана был старец Геронтий, опытный в жизни духовной.

В Богоявленской обители он обратил на себя внимание

двух святителей: будущего Митрополита Московского Алексия, тогда еще монаха Богоявленского монастыря, и действующего Митрополита Феогноста.

Митрополит Феогност любил Стефана, Геронтия и Алексия и по временам приглашал их к себе для духовных бесед. Сын Калиты, великий князь Симеон Иоаннович, также отличал своим вниманием и Стефана и Алексия. По его желанию Митрополит Феогност рукоположил Стефана во пресвитера и назначил игуменом Богоявленского монастыря. Великий князь избрал Стефана в свои духовники. Примеру великого князя последовали тысяцкий столицы Василий, брат его Федор и другие знатные бояре.

Монашеский постриг

В то время Варфоломей более всего хотел принять монашеский постриг, ибо он всей душой стремился к иноческой жизни в посте и безмолвии. Но как ни горячо желал он облечься в ангельский образ, однако не спешил с исполнением своего сердечного желания. Оставшись в одиночестве лесной пустыни, Варфоломей усердно изучал монашеские уставы, подготавливая себя к иночеству. Он почитал неосновательным делом связать себя обетами монашества прежде, нежели приучит себя к строгому исполнению всех уставов монашеской жизни, ко всем трудам и подвигам не телесного только, но и внутреннего, духовного делания.

Согласно предположениям церковных историков иногда Варфоломея в его уединении посещал некий игумен Митрофан и служил для него Божественную литургию в его церковке. После этого Варфоломей с еще большим усердием, с желанием и со слезами молился Богу, дабы ему сподобиться ангельского образа и приобщения к лику иночествующих.

Однажды юный подвижник попросил игумена Митрофана прийти к нему в пустыню, и несказанно обрадован был его посещением. Он встретил игумена как дорогого гостя, Самим Богом посланного, и усердно просил его пожить с ним сколько-нибудь в его келии. Добрый старец охотно согласился на это, а Варфоломей, взирая с благоговением на добро-

детельную жизнь его, прилепился к нему всей душой, как к родному отцу.

Спустя немного времени, блаженный юноша смиренно склонил голову пред старцем и стал просить его о пострижении. «Отче! Сотвори любовь – постриги меня в монашеский чин, ибо я давно, с юности моей, желаю этого, но воля родителей удерживала меня. Ныне, от всего освободившись, я жажду пострига; как олень стремится к источнику водному, так жаждет душа моя иноческой и пустынной жизни».

Не стал противоречить старец игумен его благочестивому желанию; он пошел немедленно в свой монастырь, взял там нескольких из братьев и все, что нужно было для пострижения, и возвратился к отшельнику. Здесь надо заметить, что в отличие от современной практики, когда желающие принять монашество обычно проходят сначала искус послушания в монастыре, затем их постригают в рясофор, затем в иночество, и только после этого в мантию, в средние века желающий принять постриг мог быть сразу же пострижен в мантию.

7 октября, на память святых мучеников Сергия и Вакха, в небольшой церковке во имя Святой Троицы был совершен монашеский постриг. В монашестве Варфоломею было дано имя Сергей, так как в то время давали имена не рассуждая и не считаясь с мирским именем, но какого святого память отмечалась в день пострига, такое имя и давали постригавшемуся. На момент пострига Преподобному было более два-

дцати лет, но тридцатилетия он еще не достиг.

В день пострижения игумен Митрофан совершил литургию в церковке Варфоломея-Сергия и сподобил его причастия Святых Таин. Жизнеописатель говорит, что присутствовавшие в церкви некоторые люди, вероятно родственники и радонежские знакомые Варфоломея, пришедшие к нему на его пострижение, свидетельствовали, что в минуту его причащения как нового монаха церковь и окрестность церкви наполнились благоухания.

Это был первый инок в том месте, положивший начало иноческим подвигам и ставший образцом для всех остальных насельников той обители. С пострижением он не только отсекал волосы головы своей, но вместе с бесчувственными волосами он отсекал плотские желания; совлекаясь мирских одежд, он с ними отвергал от себя эти желания. Он сошелся и сложил с себя ветхого человека, чтобы облечься в нового. Крепко препоясав свои чресла, он приготовился мужественно начать духовные подвиги; оставив мир, он отрекся от него и от всего, что в мире, — от имущества и всех остальных житейских благ. Попросту говоря, он разорвал все узы мирские и, как орел, взмахнувший легкими крыльями и взлетевший на высоту воздушную, покинул мир и все мирское, бежал от всех житейских попечений, оставив семью, всех близких и родственников, дом и отечество, подобно древнему патриарху Аврааму.

После пострига Сергей семь дней пробыл в церкви, каж-

дый день старец игумен совершал Божественную литургию и приобщал его Святых Христовых Таин, и во все эти семь дней Сергей ничего не вкушал, кроме просфоры, даваемой ему от постригавшего. От всего отстранившись, он пребывал в непрестанном посте и молитве. Песнь Давида постоянно была на устах его, он утешал себя словами псалмов и ими же славословил Бога. Так он пел в безмолвии, благодаря Бога: *Господи! возлюбил я красоту дома Твоего и место жилища славы Твоей* (Пс. 25: 8); *дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие дни* (Пс. 92: 5). Как возделенны жилища Твои, Господи сил! *Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя возрадовались о Боге живом. И птица находит себе жилье, и горлица гнездо себе, где положить птенцов своих. Блаженны живущие в доме Твоем* (Пс. 83: 2—4); *во веки веков будут они восхвалять Тебя* (Пс. 83: 5). *День один во дворах Твоих лучше тысячи: лучше быть у порога в доме Бога моего, нежели в жилище грешников* (Пс. 83: 11).

По прошествии недели, он окончил свой подвиг, и, провожая игумена, постригшего его, Сергей с великим смирением сказал: «Вот, отче, сегодня ты уходишь отсюда, а меня, убогого, как я и хотел, оставляешь одного. Долгое время я всеми помыслами моими и желаниями стремился к тому, чтобы жить одному в пустыне, без единого человека.

Издавна я просил этого у Бога в молитвах, постоянно держа в уме и вспоминая слова пророка:

*Я удалился, убежав, и остался в пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня от малодушия и от бури (Пс. 54: 8–9). И поэтому услышал меня Бог и внял гласу моления моего. Благословен Бог, Который не отверг молитвы моей и не от-
вратил милости Своей от меня (Пс. 65: 19–20).* И сейчас я благодарю Бога, сподобившего меня по моему желанию одному жить в пустыне, иночествовать и безмолвствовать. Ты же, отче, ныне уходя отсюда, благослови меня, смиренного, и помолись о моем уединении, а также и научи меня, как жить мне одному в пустыне, как молиться Богу, как избегать вреда душевного, как противиться врагу и помыслам гордыни, от него исходящим. Ведь я неопытен; будучи новопостриженным, новоначальным иноком, я должен обо всем спросить совета у тебя».

Подивился старец смиренномудрию своего новопостриженника. «Меня ли, грешного, вопрошаешь о том, что сам не хуже меня знаешь, о честная глава! – сказал Митрофан. – Ты уже приучил себя ко всякому подвигу, мне остается только пожелать, чтобы Господь Сам вразумил тебя и привел в совершенную меру возраста духовного».

Немного побеседовав с Сергием о духовной жизни, старец хотел уже уйти. Но Преподобный Сергей, поклонившись ему до земли, сказал: «Отче! Помолись за меня Богу, чтобы Он помог мне терпеть плотскую брань, бесовские искушения, нападения зверей и труды в пустыне». Игумен же в ответ сказал: «Апостол Павел говорит: *Верен*

Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил (1 Кор. 10: 13), и еще: Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе (Флп. 4: 13)».

Сергий, провожая игумена, еще раз попросил у него благословения и молитвы. Игумен же сказал Преподобному Сергию: «Вот я ухожу отсюда, а тебя вручаю Богу, Который не допустит гибели Преподобного Своего, Который не даст грешным поднять жезл на жизнь праведных, Который не предаст нас в зубы грешников. Господь любит праведника и не оставит преподобных Своих, но навеки сохранит их; Господь сохранит тебя во всех делах твоих отныне и навеки, аминь». Сказав это и помолившись, игумен Митрофан благословил Сергия и оставил его, вернувшись туда, откуда пришел.

Одинокчество в лесной пустыне

После ухода игумена Преподобный Сергий подвизался в пустыне, живя в одинокчестве, без единого человека. С ве-сельем вступил Сергий в сей узкий путь, чтобы достигнуть безмятежности и бесстрастия. Подвизаться против плоти с ее страстями и пожеланиями он обучил себя еще задолго до удаления в пустыню, и потому в пустынножительстве его видны были, как знамения непрестанных побед над самим собою, долговременные посты и другие высокие подвиги. Возвышая дух свой Богомыслием, он укреплял и тело свое неустанными трудами. В зимнее время, когда самая земля расседалась от жестоких морозов, Сергий, точно бесплот-ный, оставался в одной обычной своей одежде и, претерпе-вая стужу, думал только о том, как избежать будущего огня вечного.

В пустыне, в совершенном уединении, Преподобный Сер-гий прожил неизвестное точным образом жизнеописателю время – от двух до четырех лет. Два-четыре года сами по себе – очень непродолжительное время, но два-четыре года жиз-ни в пустыни, в совершенном одинокчестве, это – совсем дру-гое дело. Страшно одному, без товарищей, провести в лесу одну лишь ночь, покажется с год и одна такая ночь, но це-лый двухгодичный ряд таких ночей – это встает пред вооб-ражением поистине как нечто весьма страшное, заставляю-

щее невольно содрогаться при представлении всего того, что надлежало вынести человеку.

Особенно много скорбей и искушений претерпел он от бесов в самом начале своего пустынного подвига. Это были видимые и невидимые сражения, столкновения, страхования от демонов, дьявольские наваждения, страшилища пустыни, ожидание неизвестных бед, встречи и нападения свирепых зверей. Возвышаясь над всеми бедами бесстрашной душой и отважным сердцем, Сергей умом оставался покоен, не ужасался вражеским козням, свирепым хитростям и нападениям. К нему часто приходили дикие звери, не только ночью, но и днем, – стаи волков, воющие и ревущие, иногда медведи. Преподобный Сергей иногда несколько боялся их, как всякий человек, но, однако, обращал усердную молитву к Богу и, укрепляясь ей, и таким образом, по милости Божией оставался невредимым: звери уходили от него, не причинив ему никакого зла. Когда только начинало обустраиваться то место, Преподобный Сергей претерпел много нападений и скорбей от бесов, зверей и гадов. Но никто из них не прикоснулся к нему и не причинил ему вреда, потому что благодать Божия хранила его. Пусть никто не удивляется этому, зная воистину, что если Бог живет в человеке и Святой Дух почиет на нем, то все творение ему покоряется; как в древности первозданному Адаму до нарушения им заповеди Господней, так же и Сергию все покорялось, когда он жил один в пустыне.

Однажды Преподобный Сергей ночью вошел в уединенную церковь свою, чтобы петь утрению, но лишь только он начал молитвословие, как вдруг пред его взорами расступилась стена церковная, и в это отверстие, как тать и разбойник, не входящий дверьми, вошел сатана видимым образом, его сопровождал целый полк бесовский – все в остроконечных шапках и в одеждах литовцев, которых тогда боялись на Руси не меньше татар. Они бросились на блаженного, желая разорить церковь и сровнять ее с землей. Скрежеща зубами и желая убить его, они так говорили ему: «Беги, уходи отсюда и не оставайся больше здесь, на этом месте; не мы напали на тебя, но скорее ты напал на нас. Если же ты не убежишь отсюда, не быть тебе живым: мы растерзаем тебя, и ты умрешь в наших руках».

Преподобный Сергей, вооружась молитвой к Богу, начал говорить так: *Боже! Кто уподобится Тебе? Не премолчи, не оставайся в покое, Боже! Ибо вот, враги Твои шумят* (Пс. 82: 2–3) и еще: *Да воскреснет Бог, и исчезнут враги Его, и да бегут от лица Его все ненавидящие Его. Как рассеивается дым, так и они пусть исчезнут: как тает воск от*

огня, так да погибнут грешники от лица Божиего, а праведники да возвеселятся (Пс. 67: 1–4). Так Сергей, именем Святой Троицы, имея помощницей и заступницей Святую Богородицу, а вместо оружия – Честной Крест Христов, поразил диавола, как Давид Голиафа. И тотчас диавол со своими бесами сделался невидим, и все бесследно исчезли и про-

пали. Преподобный же горячо возблагодарил Бога, избавившего его от этого бесовского мятежа.

Через несколько дней, когда Преподобный Сергей в хижине неустанно в одиночестве творил всенощную молитву, внезапно раздались шум, грохот, сильное волнение, смятение и устрашающие звуки, – не во сне, но наяву. И вот множество бесов вновь напало на блаженного, как бесчинное стадо, вопя и угрожая: «Уходи, уходи отсюда! Что ты ищешь в этой пустыне? Что хочешь обрести на этом месте? Чего ты добиваешься, сидя в этом лесу? Или ты собрался здесь жить? Зачем ты здесь поселился? Не надейся, что сможешь здесь остаться: ты и на час тут не удержишься. Ты сам видишь, что место это пустынное, неудобное и труднодоступное, отсюда во все стороны до людей далеко, и никто не придет сюда. Разве ты не боишься, что можешь умереть здесь от голода или душегубцы-разбойники найдут и убьют тебя; кроме того, в этой пустыне живет много зверей кровожадных, воют свирепые волки и стаями приходят сюда, да еще и многочисленные бесы злобно пакостят, и грозные чудища без числа бродят здесь, поэтому искони место это пусто и непригодно для жилья.

Что хорошего, если звери нападут на тебя и растерзают или ты умрешь какой-нибудь другой безвременной, ужасной, насильственной смертью? Встань и без всякого промедления беги отсюда, не задумываясь, не сомневаясь, не оборачиваясь назад, не озираясь ни направо, ни налево, не то

мы тебя отсюда раньше прогоним или убьем».

Преподобный, имея крепкую веру, любовь и надежду на Бога, творил усердную, со слезами, молитву против врагов, чтобы избавиться от бесовских происков. Благой Человеколюбец Бог, скорый в помощи, готовый к милости, не допустил, чтобы Его раб терпел продолжительные нападения бесовские и сражения с диаволом. Вскоре Божественная сила внезапно осенила Преподобного, вмиг рассеяла лукавых духов, так что от них не осталось и следа, утешила Преподобного, исполнила его Божественным весельем и усладила его сердце сладостью духовной, и Преподобный Сергей, твердый душой, непрестанно боровшийся против видимых и невидимых бесов, явился их победителем. Тотчас почувствовав скорую помощь от Бога и распознав милость и благодать Божию, Преподобный воссылал к Богу благодарственные хвалы, говоря: «Благодарю Тебя, Господи, так как Ты не оставил меня, но скоро услышал и помиловал. Ты сотворил на мне знамение во благо, чтобы ненавидящие меня увидели, как Ты, Господи, помогаешь мне и как Ты ныне утешил меня, и устыдились. Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости, десница Твоя, Господи, сокрушила врагов наших, бесов, и державная крепость Твоя истребила их до конца».

В другое время вся келья пред глазами Преподобного наполнилась отвратительными змеями, так что не видно было и пола. Неоднократно нападали бесы на Преподобного, но, в конце концов, были изгнаны с того места.

Время пустынно-удединенной жизни Преподобного Сергия проходило в молитве внешней, церковной, состоявшей в отправлении всего круга служб дневных, за исключением литургии, в молитве внутренней, или умной, домашней, в непрестанном богомыслии, в чтении Слова Божия и в телесном труде. Нет сомнения, что очень невелика была библиотека книг Преподобного Сергия, но если он имел только Псалтирь и Евангелие, то, читая и перечитывая их, знал их наизусть и столько же твердо напечатлевал их на своем сердце. Что касается до телесного труда, то он должен был вырубать лес около своей церкви и кельи, чтобы образовать около них большую или меньшую полянку, на которой бы мог быть заведен им огород, если не целое пахотное поле.

Поселившись среди зверей, Преподобный Сергий приобрел их расположение, а с некоторыми из них вступал даже, так сказать, в содружество. Раз угодник Божий увидел перед своею хижинкой большого медведя и поняв, что зверь приходит к нему не из злобы, но чтобы взять немного съестного на пропитание себе, Преподобный выносил зверю из своей хижины маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы зверь, когда придет, по своему обычаю, нашел бы для себя готовую еду, и медведь брал хлеб в пасть и уходил.

Когда хлеба не хватало и пришедший, по обыкновению, зверь не находил приготовленного для него привычного куска, он долгое время не уходил и стоял, озираясь по сторонам,

как жестокий заимодавец, желающий получить свой долг.

А Преподобный благодарил Бога, что послал ему лютого зверя на утешение, и, памятуя слово Писания: «Блажен иже и скоты милует», привык миловать зверя; и если у него был лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть оставить себе, а другую отдать этому медведю. Иногда блаженный не заботился о себе и оставался голодным, бросив свой единственный кусок хлеба медведю, потому что Преподобный предпочитал скорее не есть в тот день и голодать, нежели обмануть зверя и отпустить без еды. Медведь привык приходить к Преподобному не один или два раза в день, но по многу раз ежедневно, и это продолжалось более года.

В то время в пустыне у Сергия не было разнообразной пищи, но только хлеб и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу, часто у святого и хлеба на день не было, и в такие дни оставались голодными и сам святой, и зверь. Можно думать, что хлеб доставлял ему время от времени младший брат его Петр, живший в Радонеже. Так упражнял себя угодник Божий в отречении от самых необходимых потребностей.

Первые сподвижники

Спустя некоторое время, Господу было благоугодно, поставить сей благодатный светильник на свещник, чтобы он светил из своей пустыни всей Православной Руси. Как сказано: *Не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5: 14), так не мог долго оставаться безвестным в своей пустыне и Преподобный Сергей.

В Радонеже и соседних селениях заговорили о молодом пустыннике. «Одни, – пишет Пахомий Логофет, – говорили о его строгом воздержании, трудолюбии и других подвигах; другие удивлялись его простоте и незлобию; иные рассказывали о его власти над духами злыми; а некоторые благоговели пред его дивным смирением и чистотою душевною».

И вот один за другим стали приходить к нему монахи из монастырской братии, сначала ради душеполезной беседы и совета духовного, в чем любвеобильный пустынник им не отказывал, а потом нашлись желающие и жить близ него. Иногда приходили по два, по три человека и, припадая к стопам Преподобного, умоляли, чтобы позволил им поселиться тут, говоря: «Отче, прими нас, мы хотим жить вместе с тобой на этом месте и спасти свои души». Но Преподобный не только не принимал их, но и запрещал им оставаться, говоря: «Вы не сможете жить на этом месте и терпеть лишения пустынной жизни: голод, жажду, скорбь, неудобства, бедность

и нужду».

Они же отвечали: «Мы хотим понести тяготы жизни на этом месте, а если Бог подаст силы, то вытерпим». Преподобный еще раз спросил их: «Сможете ли вы терпеть тяготы жизни на этом месте: голод, жажду и всевозможные лишения?» Они же отвечали: «Все готовы мы понести, честный отче, если Бог поможет нам, и твои молитвы поддержат нас. Только об одном просим: не удаляй нас от себя, не гони прочь от этого святого места».

Тогда Преподобный с готовностью и с радостью начал принимать к себе тех, кого не страшили трудности, сказав: «Я не гоню вас, ибо Спаситель наш говорил: *Приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин.

6: 37), и еще: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18: 20). И Давид сказал: *Как хорошо и как приятно жить братьям вместе*

(Пс. 132: 1). Ведь я, братия, хотел один жить в этой пустыне и скончаться здесь. Но если Бог так пожелал и если Ему угодно, чтобы на этом месте был монастырь, и собрались многие братия, да будет воля Господня! Я же с радостью принимаю вас, только пусть каждый сам потрудится выстроить для себя келью. Но да будет вам известно: если вы пришли в эту пустыню, чтобы здесь остаться, если хотите жить со мной на месте этом, если вы пришли служить Богу, приготовьтесь терпеть скорби, беды, печали, всевозможные несчастья, нужду, лишения, бедность и недосыпание. Если

вы желаете служить Богу и для этого пришли, отныне подготовьте ваши сердца не к пище, не к питью, не к покою, не к беспечности, но к терпению, чтобы претерпеть всякое искушение, беду и печаль. Приготовьтесь к тяготам, постам, духовным подвигам и ко многим скорбям: *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14: 22); *тесны врата и узок путь* и скорбен, *ведущие в жизнь вечную, и немногие находят их* (Мф. 7: 13–14); *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11: 12); *много званых, а мало избранных* (Мф. 20: 16). Мало спасающихся, поэтому мало избранное стадо Христова, о котором в Евангелии сказал Господь: *Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12: 32)». Когда Преподобный Сергей сказал им все это, они с радостью и с усердием обещали: «Все, что ты повелел, сделаем и ни в чем тебя не ослушаемся».

Так составила́сь первая братия, и вот таким образом и зачался Сергиев монастырь – последующая и нынешняя – знаменитая Свято-Троицкая Сергиева Лавра.

Вначале собралось не очень много монахов – не больше двенадцати человек. Среди них был некий старец Василий, по прозванию Сухой, который одним из первых пришел с верховьев Дубны. Другой – по имени Иаков, по прозванию Якута, он был за посыльного, его всегда отправляли по делам, за особенно нужными вещами, без которых нельзя обойтись. Еще один, по имени Анисим, диакон с сыном

Елисеем, земляки Сергиевы, из коих Анисим упоминается раньше в числе переселившихся с родителями Преподобного из Ростова в Радонеж. К числу первых же учеников Сергиевых должно отнести преподобных Сильвестра Обнорского, Мефодия Пешношского, Андроника и др.

Жизнь уединенной обители

Каждый из пришедших к Преподобному Сергию монахов построил для себя отдельную келью, причем иным из строившихся была оказана общая братская помощь. Сам Преподобный, обладая большим или меньшим знанием плотничного ремесла, был усердным помощником всех строившихся. Известно, что он три или четыре келии для братии построил своими руками. Когда построено было двенадцать келий, Преподобный обнес их высоким деревянным тыном для безопасности от зверей и приставил привратником Анисима, которого келья была у самого входа в обитель.

Жизнеописатель говорит, что келии обнесены были тыном «не зело пространнейшим». Но это нужно понимать не так, чтобы первоначальный монастырь был очень тесен, а лишь так, что он был не столько просторен, как позднейший. Тот же жизнеописатель дает знать, что в монастыре были огороды, то есть как, со всей вероятностью, должно понимать его – при каждой келии, или у каждого брата, был особенный огород, а для этого требовалось не очень малое пространство.

Первоначальный монастырь Преподобного Сергия должно представлять себе в таком виде: в глухом бору, на берегу речки, полурасчищенная поляна, на которой большой лес вырублен, но кое-где в виде редкой рощи стоят еще дере-

вья и на которой везде лежат колоды от срубленных деревьев и везде торчат пеня; на поляне маленькая деревянная церковь и кругом церкви под деревьями и между деревьев 13 маленьких деревянных келий; вся поляна или же значительная часть ее обнесена тыном, и внутри тына за кельями разделаны огороды.

Первые Троицкие иноки жили для Бога, глядя на жизнь Преподобного Сергия и ему по мере сил подражая. Преподобный Сергий, живя с братьями, терпел многие лишения и совершал великие подвиги и труды постничества. Он жил суровой аскетической жизнью. Поскольку Сергий был молод и крепок телом (силы у него было, как у двоих), диавол хотел уязвить его стрелами похоти. Преподобный же, почувствовав вражье нападение, удержал свою плоть и поработил ее, обуздав постом; и так, благодатью Божией, он был избавлен от искушений. Он научился искусно обороняться против бесовских нападений: как только бесы хотели поразить его стрелами греха, Преподобный пускал в них, стреляющих во мраке в праведных сердцем, стрелы чистоты.

Тихо и безмятежно протекала жизнь пустынников в новоустроенной обители. Не было в ней ни начальника, ни даже пресвитера, однако же строго соблюдался весь порядок повседневного богослужения, исключая, конечно, литургию. Пустынные подвижники каждый день собирались в церковь на полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый часы, на вечерню и повечерие. Как сказано: семикратно в день *про-*

славляю Тебя за суды правды Твоей (Пс. 118: 62). В промежутках между трудами иноки часто пели молебны, ведь они для того и ушли из мира, чтобы беспрестанно молиться Богу, и в церкви и в кельях, по слову Павла: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5: 17).

А для совершения Божественной литургии в праздничные дни обыкновенно приглашали священника из ближайшего села или игумена, быть может, того же старца Митрофана, который постригал самого Преподобного. Священнослужителя всегда встречали с радостью и с подобающею честью.

Сам же Сергей с самого начала не хотел быть поставленным в священники или принять игуменство, по великому и совершенному своему смирению, поскольку он был исполнен кротости и великого истинного сокрушения сердечного, во всем всегда подражая своему Владыке, Господу нашему Иисусу Христу. Из-за своего великого смирения Сергей не хотел быть поставленным в священники или принять игуменство — он всегда говорил, что желание быть игуменом является источником и корнем честолюбия.

Преподобный Сергей без лени служил братии, как купленный раб. Сам рубил и колол дрова, носил их к кельям, молот в ручных жерновах зерно, пек хлебы, варил еду, заготавливал другие съестные припасы для братии, кроил и шил одежду и обувь, и, зачерпнув воду в бывшем неподалеку источнике, носил ее в двух ведрах на своих плечах в гору и

ставил у келии каждого брата, всячески стараясь облегчить их трудную жизнь пустынную. Причем в то время в обители был еще особножительный устав, так что каждый жил своим хозяйством, и Преподобный ничего не получая от братии подчас отдавал им все что имел. Когда кто-нибудь из братий отходил ко Господу, угодник Божий своими руками омывал и приготовлял к погребению усопшего.

Служа другим в течение дня, Сергей не имел и одного часа, свободного от труда и молитвы; питался он только хлебом и водою, и то малою мерою, а ночь почти всю проводил в келейной молитве. И что бы он ни делал, на устах его всегда был псалом, в котором говорится: *Всегда видел я Господа пред собою, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь* (Пс. 15: 8). Пребывая в молитвах и в трудах, он истончил и иссушил свою плоть, ради того чтобы стать гражданином Небесного града и жителем Вышнего Иерусалима.

Год спустя после того, как собралась к Преподобному братия, пришел к ним на жительство и постригший Преподобного Сергея игумен Митрофан. Сергей очень рад был ему по нужде в иерее Божиим. Этот Митрофан и стал первым настоятелем Сергиева монастыря. Но недолго порадовался Сергей: пожив немного под кровом своего постриженника, Митрофан тяжело занемог и отошел ко Господу. И снова обитель осталась без совершителя Таин Божиих, потому что сам Преподобный, по своему глубокому смиренномудрию, не хотел принять на себя ни игуменства, ни сана священного.

Примерно в это же время Стефан, брат Преподобного Сергия, привел в обитель своего сына Ивана. Наслышавшись о богоугодной жизни своего святого дяди, двенадцатилетний отрок возгорелся желанием жить под его духовным водительством. Отец привел мальчика в лесную обитель к дяде. Поручив его Преподобному, Стефан просил постричь мальчика в иноки. Видя это, старцы дивились вере Стефана, не пощадившего своего сына-отрока, но с детских лет отдавшего его Богу, как в древности Авраам не пощадил своего сына Исаака. И вскоре отрок Иван принял постриг с именем Феодор.

Феодор же с молодых ногтей был воспитан во всяком благочестии и чистоте и в посте; поучаясь от дяди, он был исполнен и украшен всеми монашескими добродетелями – и так достиг возраста зрелого мужчины. В обители Сергиевой будущий Архиепископ Ростовский прожил около двадцати двух лет; в это время он научился здесь иконописанию и был одним из первых иноков-иконописцев Троицкой обители.

Поставление Преподобного во игумена

В настоящем монастыре надлежало быть игумену над братией. Тем паче, что когда скончался игумен Митрофан, то братия новой обители лишилась Божественной службы.

Преподобный Сергей, по своему смирению, и слышать не хотел, чтобы ему принять эту должность, он всегда говорил, что «желание игуменства есть начало и корень властолюбия»; но и сам он сознавал нужду в духовном пастыре для своей обители. Он воссылал прилежную молитву к Господу, прося о том, чтобы Бог дал игумена, наставника обители, отца и управителя, который сможет вести духовный корабль земной жизни братии к пристани спасения и избавит его от потопляющих волн — нападений злых духов. Так он молился Богу, прося игумена и истинного устроителя тому месту, и Бог услышал молитву Своего угодника и внял его молению, чтобы не оказались ложными слова Давида: *желание боящихся Его Он исполняет, и молитву их слышит, и спасет их* (Пс. 144: 19).

И Господь, всегда готовый исполнить волю боящихся Его, услышал молитву Своего угодника и, поскольку никто лучше самого просившего не мог послужить на сем месте к славе имени Его, благоволил его самого и дать игуменом братии. Вот как это было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.